

ПЕРВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ОДЕЖДЫ НАРОДОВ ВОЛГО-КАМЬЯ

Первая коллекция экспонатов музея, погибшая в пожаре 1747 г. в здании Кунсткамеры, была зарисована в количестве не менее 4000 листов. На сегодняшний день из них обнаружено более двух тысяч рисунков с вещей [Кистемакер и др. 2003: 10]. За редким исключением, авторы рисунков не оставляли ни свои фамилии, ни подписи. Однако по составленным тогда рукописным и опубликованным каталогам экспонатов, а также по сохранившимся в архивах рисункам можно с определенной долей уверенности провести реконструкцию музейных шкафов с выставленными предметами.

История рисовального искусства начала XVIII в. в России имеет прямое отношение к изучаемой нами теме. Первая регулярная рисовальная школа была организована при Санкт-Петербургской типографии, основанной в 1711 г., а в 1727 г. гравировальщики были переведены в новую типографию Академии наук. Федор Черкасов учился в Италии живописному и рисовальному художествам, и в 1929 г. он пытался устроиться учителем рисования в Академической гимназии. И.Д. Шумахер распорядился освидетельствовать его в мастерстве, после чего ему поручили рисовать экспонаты Кунсткамеры. Но очень скоро ленивый и склонный к пьянству Федор Черкасов был уволен из Академии.

У нас пока нет оснований приписать авторство рисунков с предметов одежды народов Волго-Камья художникам того времени Г.А. Качалову, И.А. Соколову и Ф.Г. Маттарнови, хотя все трое рисовали вещи, привезенные в 1727 г. Д.Г. Мессершмидтом. Известно, что они срисовывали всего 14 предметов из коллекции Д.Г. Мессершмидта — в первую очередь предметы, добытые из сибирских погребений (например, № 249, 251).

В 1732 г. ученик Марии Доротеи и Георга Гзелль А.А. Греков по распоряжению хранителя академического музея И.Д. Шумахера был переведен в Кунсткамеру на должность смотрителя анатомических и зоологических коллекций. Его основной обязанностью стал надзор за сохранностью коллекций, однако в штате Академии наук он по-прежнему числился учеником живописного искусства. Его кисти принадлежат самые ранние из сохранившихся рисунков с экспонатов Кунсткамеры [РАН. Р. IX, оп. 4, л. 272, 273, 706, 714]. Это кирпичи с эмблемами, привезенные из Швеции, и другие аналогичные коллекции. В 1737 г. А.А. Греков был аттестован Георгом Гзелль на звание подмастерья. Одновременно он получил назначение «при анатомии и в Кунсткамере живописное дело исправлять». Он много рисовал как музейные коллекции, так и анатомические препараты для профессоров анатомии И. Вейтбрехта и А. Каау-Бургава. Архивные дела пестрят его требованиями о покупке карандашей, кистей, красок, бумаги для рисования «разных курьезных вещей».

Исходя из данных фактов, можно предположить, что Федор Черкасов и А.А. Греков не могут считаться авторами интересующих нас рисунков: первый проработал очень короткое время, а второй преимущественно был занят рисованием анатомических препаратов и минералогических образцов.

Распоряжению по Императорской Академии наук от 28 апреля 1747 г. прибывшему из камчатской экспедиции живописцу И.Х. Беркану следовало срисовывать имеющиеся на верхней галерее Кунсткамеры платья азиатских народов [Материалы... 1895: 441]. Из текста распоряжения не ясно, идет ли речь о коллекции или об одном платье. Как писала по этому поводу Т.К. Шафрановская [Шафрановская 1965: 152], имеющиеся рисунки не позволяют установить, которые из них принадлежат И.Х. Беркану. Видимо, речь идет об образцах одежды народов не Волго-Камья, а Сибири и Камчатки. В любом случае, творчество этого художника в рамках Кунсткамеры ограничивается 1747–1751 гг.

В сохранившемся путевом дневнике Даниила Мессершмидта имеются рисунки, подписанные автором. Например, цветной рисунок растения *Calceolus*, под которым рукой самого Мессершмидта отмечено: «Рисовал в Тобольске 20 мая 1720 г.» [РАН. Ф. 98, оп. 1, д. 20, л. 39]. Далее следуют другие рисунки с аналогичными подписями. Д.Г. Мессершмидт, находясь в экспедиции, часто срисовывал чучела птиц и другие вещи, повесив их на гвоздь (напр.: [Там же: л. 82]). Рисунки выполнялись как карандашом, так и акварелью. Срисовывал он и археологические находки, например, фрагмент бронзового зеркала [РАН. Р. IX, оп. 4, л. 2840]. Л. 42: цветной рисунок птицы на Волге. Л. 43: рисунок странной птицы (перепелица?). Л. 46: рисунок кости мамонта на бумаге большого формата, рисовано коричневым карандашом. Подпись: «рисовал Д.Г. Мессершмидт». Л. 47: рисунок кости мамонта коричневым (!) карандашом. Подпись: «Н.Н. Rusfil» (псевдоним? — *A.T., A.C.*). Можно и далее приводить примеры рисунков, на которых имеются личные подписи Д.Г. Мессершмидта. Это девять металлических пластинок [Там же: л. 282], три металлические пластинки [Там же: л. 283], удила и двое стремян [Там же: л. 286], инструменты, которыми управляют слоном [Там же: л. 287], украшения поясов из Сибири [Там же: л. 294], металлическое зеркало [Там же: л. 314], чучело птицы типа мухоловки [Там же: л. 629].

Интересно, что находящиеся на л. 53 об.–54 рисунок-схема местности под названием «*Labyrinthus Naturis mirabilis*» — видимо, пещера близ Кунгура — помещена в книге Ф.И. Страленберга [Strahlenberg 1730]. Иначе говоря, автором этой книги и рисунков также является Д.Г. Мессершмидт: почти все вещи, собранные в экспедиции, он зарисовывал тут же.

В 1721–1722 гг. библиотечарь и смотритель Кунсткамеры И.Д. Шумахер по поручению Петра I ознакомился с музеями и библиотеками Франции, Германии, Голландии и Англии. Он выступил на заседании Парижской Академии наук. Представив карту Каспийского моря, И.Д. Шумахер сообщил также об описании птиц Сибири, выполненный Д.Г. Мессершмидтом. Из газеты «*Gazette de France*» узнаем, что И.Д. Шумахер взял с собой рисунки птиц, археологических находок, часть которых сделал Д.Г. Мессершмидт. Мы не исключаем

ем, что среди рисунков, взятых для иллюстрации в Парижской АН, были и образцы одежды народов Волго-Камья.

М.Г. Новлянская в своей книге о Д.Г. Мессершмидте, в частности, пишет: «Блюментрост обвинил Мессершмидта в желании утаить некоторые привезенные из Сибири вещи, подлежащие сдаче в Кунсткамеру. В качестве примера он привел случай с гравером Академии наук Г.И. Унферцагтом, у которого обнаружили несколько рисунков, переданных ему Мессершмидтом для снятия копий. <...> Академии наук Мессершмидт был не нужен, не нужен даже для систематизации переданных им материалов, так как эта работа была проделана им еще в бытность его в Сибири. Его материалы нуждались только в авторской обработке для их опубликования, а в этом <...> не были заинтересованы ученые Академии наук, которым было поручено разобраться в материалах Мессершмидта» [Новлянская 1970: 154–156]. Конечно, М.Г. Новлянская тут совершенно права.

Упомянутый здесь Г.И. Унферцагт с 1726 г. состоял в штате Академии наук в качестве мастера ландкартно-словорезного дела. Об этом в бумагах Академии сделана запись за подписью Президента: «По указу Ея И.В. велено при академии наук Юрью Югану Унфорцахту быть грьдоровальщиком и определить ему жалованья сто двадцать рублей на год, квартиру, дрова и свечи. И выдать ему на нынешний 1726 год, с 15-го июня сентября по первое число, жалованья двадцать пять рублей, с роспискою, и на счет академический поставить» [Материалы... 1885: 192]. А 15 ноября того же года Л.Л. Блюментрост своей рукой выписывает жалование «грьдоровальщику Стефану Коровину 48 рублей» и «грьдоровальщику Унфорцахту 40 рублей» [РАН. Ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 33]. Это было за год с лишним до возвращения из экспедиции Д.Г. Мессершмидта. С открытием типографии Академии наук в 1727 г. его переводят туда.

В 1728 г. в типографии Академии работали девять граверов, среди них гравер литер и карт Г.И. Унферцагт. В мае 1728 г. он писал объяснительную записку по делу Д.Г. Мессершмидта и свидетельствовал, «что он со многих его, доктора Мессершмидта, плантов и курioзных вещей рисованных копий снимал» [Материалы... 1885: 382]. В архиве много других документов и автографов о Георге Унферцакте как о «грьдоровальном мастере». Так, в январе 1735 г. он писал прошение «о выдаче ему прошлого 734 года за октябрь и за ноябрь месяцы жалованья всего 50 рублей». На этом документе стоит пометка «вершеное» [РАН. Ф. 3, оп. 1, д. 15, л. 73]. Иначе говоря, Георг Унферцагт, помимо рисования вещей, привезенных из Волго-Камья и Сибири, делал копии с рисунков, выполненных Д.Г. Мессершмидтом. Таким образом, можно констатировать, что с некоторых вещей имелись как рисунки-оригиналы, преимущественно выполненные самим Д.Г. Мессершмидтом, так и копии с этих рисунков, выполненные Г.И. Унферцагтом.

Г.И. Унферцагт является учителем художника-гравера М.И. Махаева [Алексеева и др. 1985: 232; Ровинский 1895: 1037]. И.А. Соколов, Г.А. Качалов, Ф.А. Бернц, Г.М. Абузов, А.И. Поляков и другие — также его ученики.

Д.Г. Мессершмидт и Г.И. Унферцагт опирались прежде всего на опыт рисовального искусства в Западной Европе, который они получили при своей учебе до прибытия в Россию. В 1710–1720-х годах в России своего опыта по созданию научных рисунков еще не было, Петербургская академия только создавалась, а собственные художники еще находились на стадии обучения. Конечно, очень странно, что авторы книги «Нарисованный музей» даже не включили Д.Г. Мессершмидта и Г.И. Унферцагта в список художников, создавших этот самый «нарисованный музей», в то время как их ученики в списке занимают основной состав.

Кстати, проживал Г.И. Унферцагт в доме генерала Бона на Васильевском острове [РАН. Ф. 3, оп. 1, д. 14, л. 618]. Этот дом назван так по имени генерала Г.И. Бона, также проживавшего там. Дом вместе с садом выходил как на 1-ю, так и на 2-ю линии, его еще называли «Ботаническим», т.к. квартировали в нем профессора ботаники. В каменном подвале этого деревянного дома жили «гридоровальщики» Адам Вортман и Оттомар Эллигер. В 1740-х годах сюда поселили М.В. Ломоносова. На 2-й же линии жил библиотекарь Кунсткамеры Иван Шумахер. Теперь на этом месте между Средним и Малым проспектами находится здание школы (дом № 43 по 2-й линии).

Что касается рисунков с вещей из Волго-Камского региона, поступивших после издания в 1741 г. 2-го тома «*Musei Imperialis Petropolitani*» [Musei 1741] (в частности, свадебные платки и покрывала на подушку) и размещенных наряду с ранее поступившими вещами в шкафу № X (по этому каталогу), то они, естественно, выполнялись в условиях Музея. Об этом свидетельствует манера рисования и единые стандарты листов бумаги. Для определения времени их выполнения следует рассмотреть период с 1741 по 1747 гг., т.е. от издания 2-го тома «Мир» до пожара в Кунсткамере. Поэтому подлежит уточнению мнение Т.К. Шафрановской о том, что рассматриваемые вещи срисовывались в 1732–1752 гг. [Шафрановская 1965: 147].

На основе анализа приведенных данных в целом мы склонны датировать выполнение рисунков с образов одежды народов Волго-Камья, хранившихся в Кунсткамере, 1719–1747 гг.

Таким образом, коллекция вещей, с которых выполнены рассматриваемые рисунки, была собрана в экспедиции Даниилом Мессершмидтом в 1719–1727 гг. В 1741–1747 гг. эта коллекция была пополнена. Рассмотренные рисунки принадлежат Даниилу Мессершмидту и Георгу Унферцагту, а поздние — художникам из типографии Петербургской Академии наук. Образцы одежды, привезенные Даниилом Мессершмидтом и Георгом Унферцагтом, принадлежат марийцам, мордве, татарам, удмуртам, чувашам и новгородцам. Даты их сбора и поступления в Кунсткамеру определяются 1719–1727 гг., а поздние — 1741–1747 гг. Дальнейшие находки и исследования должны расширить и уточнить тему. Но роль Даниила Мессершмидта и Георга Унферцагта в ней останутся незыблемыми. До пожара 5 декабря 1747 г. экспонаты по народам Волго-Камья и Сибири находились в шкафах под № 9–14 на западной галерее второго этажа Кунсткамеры (по три шкафа слева и справа от входа), где ныне размещены шкафы с библиотечными книгами. Дальнейшие разыскания не-

пременно восстановят всю картину размещения экспонатов в этих шести шкафах.

Библиография

- Алексеева М.А., Виноградов Ю.А., Пятницкий Ю.А.* Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Л., 1985.
- Кистемакер Р.Э., Копанева Н.П., Мейерс Д.Й., Вилинбахов Г.В.* Введение //«Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. Т. I. СПб., 2003.
- Материалы для истории Императорской Академии наук.* Т. I (1716–1730). СПб., 1885.
- Материалы для истории Императорской Академии наук.* Т. VIII (1746–1747). СПб., 1895.
- Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.
- Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895. Т. 2.
- Шафрановская Т.К.* О сокровищах Петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII века) // Советская этнография. 1965. № 2.
- Musei Imperialis Petropolitani. Petropolitanae, 1741. Vol. II.*
- Strahlenberg Ph.J.* Das Nord und Östliche Theil von Europa und Afia. Stockholm, 1730.

М.В. Хартанович

ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ МАКЕДОНСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ В МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО САНКТ- ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Собрание предметов македонского женского костюма и македонских музыкальных инструментов было зарегистрировано в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Академии наук в 1901 г. [Книга поступлений МАЭ (Кунсткамера) РАН, колл. № 687]. Основным документом для регистрации коллекции являлось письмо собирателя с перечнем предметов, в нем же были проставлены учетные номера: «Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что перед отъездом на дачу я доставил в Академию сундук с разными одеждами, которые мне удалось приобрести во время путешествия по Македонии и которые я позволяю себе принести в дар Этнографическому музею. Список их с указанием местности, где что приобретено, и названий одежды при сем прилагается». Письмо датировано 5 июня 1901 г. и подписано «П. Лавров» [Опись коллекции № 687, МАЭ (Кунсткамера) РАН].

Стандартная для современной музейной практики документация — опись коллекции с подробным морфологическим описанием предметов — была со-